

Альберт Байбурин

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К ТЕМЕ «ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ» (вместо предисловия)

26–29 ноября 2009 года в Петербурге состоялась конференция, посвященная 90-летию Кирилла Васильевича Чистова. Это имя знакомо каждому фольклористу и этнографу. Почтить память К.В. Чистова собрались исследователи из разных стран и городов. Конференцию было решено назвать «Фольклор и этнография» — так назывались знаменитые конференции, начало которым положил Кирилл Васильевич. В настоящем сборнике представлены материалы состоявшейся конференции.

Эти заметки посвящены некоторым изменениям, которые произошли в осмыслении формулировки темы конференции и, соответственно, связей между фольклором и этнографией. По сути, речь пойдет о союзе «и» в формулировке «фольклор и этнография». Что он значил и какой смысл он имеет сейчас (если имеет)? Но прежде — несколько слов о самой формулировке темы.

Мы так привыкли к сочетанию «фольклор и этнография», что иногда не задумываемся о его асимметричности, о том, что речь идет не о соположении двух наук (в таком случае было бы «фольклористика и этнография»), а о соотношении одной из областей культуры (собственно фольклора) с одной из дисциплин, изучающей эту культуру (этнографией). Такая конфигурация темы объясняется, как мне кажется, особенностями истории изучения фольклора в русской научной традиции.

Как известно, фольклор осмыслялся как часть народной культуры и *до*, и довольно долго *после* того, как термин «фольклор» вошел в научный оборот. Основной наукой, изучающей народную культуру, считалась этнография, и фольклор, естественно, входил в предметную область этнографии. Показательно, что первым объемным трудом в области истории изучения фольклора стал четырехтомник А.Н. Пыпина «История русской этнографии» (1890–1892)¹. К тому же сам термин «фольклор» способствовал восприятию всего того, что под ним понималось (прежде всего народное знание в широком смысле), именно в этнографическом ключе.

Собственно, в этом направлении и происходило изучение фольклора вплоть до середины 1920-х годов. Идея единства народной культуры во всех ее проявлениях (в том числе и собственно фольклорных) до поры до времени сдерживала попытки ее препарирования. В этом контексте тема «Фольклор и этнография» вряд ли могла возникнуть, поскольку такая формулировка предполагает наличие некой дистанции между ними. А дистанции не было. Фольклорные явления изучались вместе с другими фактами народной культуры

---

¹ Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890–1892. Т. 1–4.

в рамках общей, довольно неопределенной, но единой науки — этнографии. Разумеется, фольклорные тексты широко использовались и в исторических разысканиях, и в историко-литературных, и в лингвистических исследованиях, но во всех этих дисциплинах фольклорный материал привлекался главным образом для того, чтобы охарактеризовать некие гипотетически ранние этапы истории, литературы, языка и т.п. Своим фольклор был только для этнографии.

В конце 20-х — начале 30-х годов XX века этнография была фактически разгромлена. Фольклористика в это время пытается выжить, прильнув к другой науке — филологии. С этой целью предмет изучения подвергся резкому сужению. В известном докладе Юрия Матвеевича Соколова «Значение фольклора и фольклористики в реконструктивный период» (1931) фольклор определялся как область поэтического творчества, а фольклористика — как часть марксистско-ленинского литературоведения. Тем самым от фольклора отсекалось все, что не может быть подверстано под «поэтическое творчество» (а сюда не вписывалась огромная область поверий, примет, магических практик, обрядов и др.).

Вообще, нужно сказать, что эволюцию отечественной фольклористики можно представить как результат последовательного введения ограничений на сферу фольклорных явлений и, соответственно, их последовательного сужения. Разумеется, любая научная дисциплина стремится к определенности своих границ и более четкому их очерчиванию, но если некоторые науки стремились при этом максимально расширить свое поле, то в фольклористике происходило неуклонное сужение предмета.

Естественным продолжением литературоведческой спецификации фольклорных явлений явилось их рассмотрение сквозь призму таких категорий литературной эстетики, как «поэтичность» и «художественность» (кто бы еще знал, что это такое). Фольклорные явления, не удовлетворявшие этим «критериям», фактически оставались вне поля изучения.

Все это (плюс организационные меры) привело к тому, что фольклористика, изначально больше ассоциировавшаяся с этнографией, чем с филологией, в советском реестре наук стала филологической дисциплиной. Из родственных наук фольклор и этнография превращаются в параллельные дисциплины. Нельзя сказать, что такая переориентация фольклористики проходила безболезненно. Многие фольклористы (среди них — В.Я. Пропп, Д.К. Зеленин, О.М. Фрейденберг и др.) продолжали считать, что изучение функционирования фольклорных явлений невозможно без учета этнографического контекста, но официальная фольклористика хранила верность литературоведению.

Вот на этом фоне и состоялась в 1968 году первая конференция под названием «Фольклор и этнография». Ее организаторами были Кирилл Васильевич Чистов и Борис Николаевич Путилов. Через два года (в 1970 г.) вышел первый сборник из серии «Фольклор и этнография»¹. По сути, была предпринята попытка (не первая, но, как мне кажется, наиболее значительная) вновь сблизить фольклор с этнографией, причем показательно, что эта попытка была предпринята фольклористами, а не этнографами. И Чистов, и Путилов в то время были, конечно, прежде всего фольклористами.

¹ Фольклор и этнография / отв. ред. Б.Н. Путилов. Л., 1970.

Конференция состоялась в то время, когда этнография и фольклористика были, пожалуй, наиболее разведены друг от друга. Они чувствовали себя вполне независимыми дисциплинами со своими объектами, предметами, не говоря уже о разной ведомственной принадлежности. В этой ситуации союз «и» по идее должен был не столько соединять, сколько подчеркивать их самостоятельность и отдельность, если бы речь шла не о фольклоре, а о фольклористике. Но поскольку тема была сформулирована именно таким образом (фольклор и этнография), то ее можно было понимать как вовлечение фольклора в сферу этнографических исследований. Судя по первым сборникам, именно так и было воспринято. Показательно, что авторами этих сборников были преимущественно этнографы, которые привлекали фольклорный материал для «прояснения» вопросов этногенеза и подобных. Фольклористы обратились к исследованию обрядового фольклора, верований, поверий, то есть фольклорных явлений, которые имели явное отношение к этнографической реальности. (В первом сборнике из 25 авторов лишь шестеро фольклористов, зато таких: К.В. Чистов, Б.Н. Путилов, Е.М. Мелетинский, Э.В. Померанцева, В.К. Соколова, Н.П. Колпакова.)

В рамках этой темы не могли быть не затронуты отношения между фольклористикой и этнографией. Во вводной статье к первому сборнику «Фольклор и этнография» К.В. Чистов писал: *«Мы не думаем подвергать сомнению право фольклористики на самостоятельность. Она имеет достаточно обширный и четкий предмет, однако это не меняет ее принципиального отношения к ближайшим “соседям” и “родственникам” — этнографии и филологии. <...> основная особенность фольклористики — быть и оставаться одновременно наукой и филологической, и этнографической, поскольку каждое фольклорное явление есть одновременно и неизбежно и факт народного быта, и факт словесного искусства»*¹.

Как видим, при том что обе дисциплины формально имеют одинаковый вес и статус, речь все же идет только о фольклористике. По мнению К.В. Чистова и других организаторов, союз «и» в названии конференции должен указывать на, так сказать, «природную», естественную связь фольклора с миром этнографических реалий. В то время и это было немало. Можно сказать, что эти конференции означали постепенное возвращение фольклора в свое лоно.

Если говорить о дальнейшей судьбе этой темы, то следует иметь в виду, что и на этнографическом поле, и в фольклористике за время, прошедшее после этих конференций, произошли весьма значительные перемены. Этнография уже не так однозначно, как это было в советский период, ассоциируется с изучением так называемой народной культуры. Более того, можно сказать, что этнография (в ее советском изводе) лишилась своего главного объекта изучения — этноса. Как ни странно, пережила она это сравнительно легко. Академик В.А. Тишков сам «исполнил» реквием по этносу². Объясняется это многими причинами, в числе которых и то, что этнография получила новое осмысление, оказавшись включенной в антропологию. Под этнографией сейчас понимается не только описательная дисциплина, но и основной метод антропологии.

¹ Чистов К.В. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография. С. 4.

² Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

По сути, аналогичная ситуация складывается и в фольклористике, но в отличие от этнографии, которая, повторяю, сравнительно легко рассталась с «народом» и «этносом», фольклористика пока не готова к столь решительному пересмотру своего статуса. Показательно, что, когда на Первом конгрессе российских фольклористов А. Панченко выступил с докладом, в котором ставилось под сомнение существование «фольклора» в том значении, которое ему придавалось в советской фольклористике, это было воспринято многими фольклористами, мягко говоря, с недоумением.

Тем не менее мне кажется, что сейчас ситуация складывается таким образом, что говорить о единой российской науке о фольклоре не приходится (впрочем, наверное, ни одна наука никогда и не бывает монолитной). По моим ощущениям, которые никому не навязываю, можно, наверное, говорить о двух разных направлениях или даже о двух фольклористиках. Одна из них, как и прежде, ориентирована главным образом на филологию и занимается преимущественно тем, что иногда называется классическим фольклором. Другая фольклористика занимается изучением функционирования фольклорных явлений в современной культуре и, естественно, в большей степени тяготеет уже даже не к этнографии, а к антропологии. Антропологическая фольклористика рассматривает фольклорные явления в качестве особых фактов социальной жизни. При этом фольклорные явления не растворяются среди других благодаря своей специфической природе: их нервом является ориентация на традицию, на общее для того или иного сообщества знание¹. Точнее — они и есть воплощение этого общего знания. С этой точки зрения можно сказать, что в глобальном поле социальных взаимодействий существует особый слой фольклорных высказываний (текстов), который требует своего описания и осмысления прежде всего с точки зрения их роли и места в процессах образования и консолидации различных сообществ.

Существование «параллельных» фольклористик в отечественной науке с каждым годом становится все более очевидным, причем это стало проявляться не только в различных подходах к выбору тем, анализу и интерпретации фольклорных явлений, но и в академических практиках (я бы сказал, в сугубо организационных делах). Год назад в Пушкинском Доме одна за другой прошли две конференции: одна из них была посвящена памяти Б.Н. Путилова, другая — политическому фольклору (двухдневный семинар). Отличались они по всем параметрам, вплоть до состава участников: за единичными исключениями участвовали в них разные фольклористы. Такое впечатление, что они никак не пересекаются, хотя это, конечно, не так.

В отечественной этнографии примерно такая же картина. Кто-то продолжает держаться за народную культуру и этнос, кто-то эволюционирует в сторону антропологии. Здесь, пожалуй, разброд еще больше, чем в фольклористике, хотя бы потому, что этнографическое поле гораздо шире и сейчас этнография во многом напоминает большое лоскутное одеяло.

---

¹ Это общее знание, по мнению К. Богданова, можно представить как владение набором общеизвестных (прецедентных) текстов, без которых непредставимо взаимопонимание внутри любого сообщества. См. подробнее: *Богданов К. Повседневность и мифология*. СПб., 2001. С. 43 и далее.

Как мне кажется, тема «Фольклор и этнография», сыграла ключевую роль в постепенном приближении к этнографическому и шире — антропологическому видению фольклорных явлений. Но это не значит, что эту тему следует «закрыть», воздав ей должное. Скорее, наоборот, сейчас она актуальна ничуть не меньше, чем прежде, поскольку отечественная фольклористика и этнография переживают непростое время обретения новой идентичности, и в этой ситуации возвращение к хорошо известной теме может придать ей новые смыслы.

И в заключение не могу не отметить, что, судя по составу участников конференции и темам статей, имя Кирилла Васильевича объединило представителей разных направлений и фольклористики, и этнографии. Мне кажется, что Кирилл Васильевич был бы этому рад.